

Круглый стол «РОССИЯ И МИР: НОВАЯ ЭПОХА»

13 февраля 2008 г., зал Ученого Совета ГУ – ВШЭ

С.Караганов, декан факультета мировой экономики и мировой политики Государственного Университета — Высшая школа экономики; председатель Президиума, СВОП; заместитель директора, Институт Европы РАН)

— Формальным поводом нашего сегодняшнего собрания является представление книги «Россия и мир: Новая эпоха. 12 лет, которые могут всё изменить». Это очередной прогноз международных отношений, которые выполнил коллектив исследователей РИО-Центра, Высшей школы экономики, Института стратегических оценок и анализа и, конечно, СВОПа. Первую книжку, «Мир вокруг России: 2017. Контурь недалекого будущего», вы уже видели в прошлом году. Мы ее расширили и углубили. Однако естественно, мы не претендуем на то, чтобы обсуждать сейчас эту книгу. Высказанные в ней идеи, надеемся, станут частью нашего интеллектуального дискурса в ближайшие годы. Но мы использовали эту возможность для того, чтобы начать серьезную дискуссию о том, какой должна быть российская внешняя политика в новом мире. Сегодня первый этап нашей дискуссии.

Второй этап состоится на ежегодной XVI Ассамблее СВОП 12-13 апреля, которая как всегда пройдет в «Лесных далях». Сегодня же мы будем говорить не только о том, какой должна быть российская внешняя политика, но и в каком мире будет развиваться эта российская внешняя политика.

А.Яковенко, заместитель министра иностранных дел РФ

— После окончания «холодной войны» в мире произошли кардинальные перемены. Изменилась сама парадигма международных отношений. Запад утратил монополию на глобализацию. **Предметом глобальной конкуренции стали ценностные ориентиры и модели развития.** Привлекательность культуры, образа жизни, позитивный образ страны в мировом общественном мнении — эти и другие факторы «мягкой силы» приобрели огромное значение. Это — фундаментальный вызов для всех, включая Россию.

Переходный период от биполярной конструкции международных отношений к новой международной системе затянулся и вступил в новую фазу. В европейской и глобальной политике вызревает момент истины. **На повестке дня стоит вопрос о том, какой миропорядок утвердится на десятки лет вперед.** От того, как он решится, зависят устойчивость системы международных отношений и перспективы развития мировой экономики. Задача в том, чтобы совместными усилиями завершить трансформацию глобальной и региональной архитектур в открытые системы коллективной безопасности, адаптировав их к новым реалиям.

Императивы глобализации, возрастающей комплексной взаимозависимости всех участников международного общения диктуют необходимость укрепления межцивилизационного согласия. Альтернативой диалогу культур и цивилизаций является возврат к глобальной конфронтации. Раздел мира по цивилизационному признаку провоцируют не только разного рода экстремисты, но и те, кто исповедует

идеологизированные подходы, пытается извне навязать чуждые модели развития и формы правления.

Жизненно важное значение приобретает духовно-нравственная основа общечеловеческой солидарности. Но «общие ценности» не могут допускать свободу оскорблять чувства верующих и разжигать религиозную рознь. Или свободу укрывать террористов, их пособников и вдохновителей, оберегая их права в ущерб правам жертв терактов. Необходимо вернуться к балансу прав и ответственности, который зафиксирован в международно-правовых инструментах послевоенного периода, включая Всеобщую декларацию прав человека и Европейскую конвенцию о правах человека.

Сегодняшние проблемы, включая противоречивые последствия глобализации, нельзя решить все морали. Поиск общего нравственного знаменателя, всегда существовавшего в основных мировых религиях, помог бы и в междивилизационном диалоге, и в выстраивании критериев соблюдения основных прав и свобод, а также ответственности личности.

В XXI веке взаимозависимость государств резко возросла, их безопасность и процветание стали неделимы. Абсолютная безопасность по определению возможна только в ущерб другим государствам. Ни одна из современных международных проблем не имеет силового решения, объективно снижается роль фактора силы в глобальной и региональной политике. Ставка на силу загоняет проблемы в тупик, препятствует комплексному урегулированию локальных конфликтов, которое возможно только при полном учете интересов всех сторон, их вовлечении в процесс переговоров, а не изоляции.

В мире складывается качественная новая геополитическая ситуация, определяемая прежде всего нарождающейся многополярностью. Ее материальную основу закладывает глобализация, ведущая к постепенному укреплению новых центров экономического роста и политического влияния.

Опыт последних лет более чем убедительно показал, что **ни у одного государства или группы государств нет достаточных ресурсов для навязывания однополярного мира.** Выстраивать межгосударственные отношения по иерархической вертикали становится все труднее из-за набирающего обороты процесса политической эмансипации государств, освобождающихся от блоковой дисциплины, унаследованной со времен «холодной войны».

В международных делах нарастают противоречивые тенденции. Новое борется со старым. Перспективным тенденциям укрепления коллективных и правовых начал, отвечающим императивам глобализации, противостоят инерция блоковой политики и идеологизированных подходов, попытки навязать миру новую конфронтацию, ремилитаризировать мировую политику.

К опасным рецидивам прежнего мышления относится и политико-психологическая установка на «сдерживание» России, в том числе как средство сплочения западного альянса. Предпринимаются деструктивные попытки реидеологизировать международные отношения путем создания искусственных конструкций типа «либеральная демократия против авторитарного капитализма», призванных вновь поделить мир на «чужих и своих». Серьезным осложняющим моментом является полномасштабный внешнеполитический кризис США, затрагивающий фундаментальные основы мироощущения американцев, которое нашло выражение в мифологии «однополярного мира».

На передний план в мировой политике выходят глобальные вызовы и угрозы: международный терроризм, транснациональная преступность, наркоторговля, эпидемии инфекционных заболеваний, природные и техногенные катастрофы, изменение климата. С исчезновением негативной стабильности «холодной войны» обострились многие старые

региональные конфликты, появились новые. Усилилась угроза попадания ядерного оружия в руки террористов.

Положение дел в сфере нераспространенческих режимов далеко от идеального: здесь есть серьезные проблемы, которые неотделимы от застоя в разоруженческой области. **Попытки навязать миру гипертрофированное значение фактора силы подпитывают тягу стран, ощущающих свою уязвимость, к обладанию оружием массового уничтожения.**

Налицо тенденция разрастания националистических и сепаратистских настроений. **В мире расширяется конфликтное пространство, приближающееся к зоне жизненных интересов России.**

В силу глобального характера проблем преодолеть их можно только солидарными усилиями всего мирового сообщества, в полной мере задействуя потенциал многосторонней дипломатии, опирающейся на международное право. Как и в обществе свободных людей, в мире свободных государств необходимо универсальное регулирующее начало, чтобы обеспечить в международных делах предсказуемость и доверие. Без коллективных действий, основанных на уважении международной законности, не будет успеха ни в борьбе с международным терроризмом, ни в решении проблем ресурсного обеспечения человечества без ущерба для окружающей среды, ни в достижении целей глобального развития, включая преодоление технологического разрыва и искоренение бедности на основе обеспечения всем государствам равного доступа к преимуществам глобализации.

В силу неделимости безопасности и процветания дальнейшее откладывание решения накопившихся проблем грозит катастрофическими последствиями для всех государств. **Нынешние противоречия могут быть разрешены путем открытых и честных дебатов,** к которым призвал Президент В.В.Путин в Мюнхене. Путь к доверию лежит через откровенный разговор и аргументированное обсуждение, а также равноправное взаимодействие, предполагающее совместный анализ угроз и совместную выработку решений.

Решение вопросов стратегической стабильности не может более оставаться эксклюзивной сферой отношений между Россией и США. Пришло время открыть эти рамки для всех ведущих государств, прежде всего европейских, ради обеспечения общей и равной безопасности. В этом — смысл российских предложений по ДОВСЕ, ПРО и РСМД.

В глобализирующемся мире широкое распространение получает сетевая дипломатия как оптимальное средство межгосударственного взаимодействия, призванное обеспечить устойчивость миропорядка на нынешнем переходном этапе. Россия активно участвует в таких гибких форматах взаимодействия, как диалоговый механизм России, Индии и Китая, группа БРИК с подключением Бразилии, Шанхайская организация сотрудничества, ЕврАзЭС, ОДКБ. Большое значение придаем укреплению партнерских связей с интеграционными объединениями Азиатско-Тихоокеанского региона, Ближнего Востока, Латинской Америки и Африки.

Остро требуется коллективное лидерство ведущих государств, опирающееся на взаимный учет интересов и осознание общей ответственности за судьбы мира. Оно должно быть представительным в географическом и цивилизационном измерениях. Фундаментом такого неформального механизма может служить только Организация Объединенных Наций, обладающая уникальной легитимностью. В качестве его важного элемента рассматриваем «Группу восьми». Поддерживаем идущую от жизни тенденцию к дальнейшей демократизации этого форума, включая укрепление структурированного партнерства с Китаем, Индией, Бразилией, Мексикой и ЮАР.

Одним из важнейших факторов нового миропорядка и поддержания равновесия в глобальном масштабе становится окрепшая Россия, которая вновь обрела уверенность в своих силах и готова нести возросшую ответственность в международных делах. Свидетельства тому — укрепление позиций нашей страны в глобальной экономике и финансах, обретение ею статуса донора международного развития, решения о проведении в России саммита ШОС в 2009 году, саммита АТЭС в 2012 году и зимних Олимпийских игр в 2014 году. Это является результатом созидательной работы последних восьми лет, в течение которых страна укрепляла свою государственность и обороноспособность, модернизировала экономику, решала масштабные социальные задачи, в том числе путем участия в широком международном сотрудничестве. Впервые в истории у нас появились возможность и решимость делать все это одновременно.

На этом прочном фундаменте **российское руководство в основном сформировало внешнеполитическую стратегию**, отвечающую коренным национальным интересам страны и требованиям нынешнего этапа мирового развития. Наша страна нацелена на равноправное сотрудничество со всеми, кто к этому готов. Такая открытость в полной мере отражает новое мироощущение россиян. Важно и то, что в российском обществе, в том числе в экспертно-политологических кругах, укрепляется согласие по поводу задач и целей отечественной дипломатии.

Российская внешняя политика основывается на здравом смысле, идет от жизни. Ее основные принципы — **прагматизм, многовекторность, неконфронтационность при отстаивании национальных интересов, опора на международное право — полностью себя оправдали** на практике. У современной России реалистичные и понятные устремления. Выступаем за поддержание международной стабильности как важнейшего условия решения задач дальнейшего развития страны и позитивной эволюции международных отношений.

Свидетельством открытости внешней политики России, нашей готовности вносить свой интеллектуальный вклад в осмысление общих задач, стоящих перед международным сообществом, стал одобренный Президентом **В.В.Путиным Обзор внешней политики России**, который вызвал широкий позитивный резонанс в стране и за рубежом.

Серьезные задачи по модернизации народного хозяйства требуют предельного напряжения сил как внутри страны, так и на внешнеполитической арене. Поэтому **вопросы экономического сотрудничества с иностранными партнерами постоянно в фокусе нашего внимания**. Содействие расширению присутствия российских экономоператоров на мировых рынках, привлечение иностранных инвестиций в российскую экономику, формирование справедливых политических и правовых рамок международного экономического сотрудничества — все это входит в число приоритетов российской дипломатии. Россия готова к конкуренции, но она должна быть честной, без скрытых повесток дня.

Убеждены: миру нужна сильная, конкурентоспособная Россия. Россия, которая была бы «поставщиком» безопасности и стабильности. Россия, помогающая поддерживать баланс в европейской и глобальной политике, вносящая свой интеллектуальный и практический вклад в решение проблем, стоящих перед человечеством. Россия, с которой можно и нужно развивать взаимовыгодное, равноправное сотрудничество.

Но развивать взаимовыгодное сотрудничество можно только тогда, когда обеспечены базовые условия всеобщей и равной безопасности. Россия заинтересована в укреплении международной стабильности и безопасности не больше, чем другие государства. **Ценой международного согласия не может быть наш отказ от внешнеполитической самостоятельности**, которая отвечает политической традиции и историческому призванию России. Там, где партнеры отказываются от совместных действий, мы будем принимать

решения сами, исходя из своих национальных интересов, но обязательно опираясь на международное право.

Наш призыв к откровенному разговору, подкрепленный решимостью идти на трудные решения в вопросах, затрагивающих интересы безопасности России и основы международного правопорядка, в целом **находит понимание у наших партнеров**. Урегулирование практически всех актуальных международных проблем удалось сделать предметом легитимных многосторонних усилий при участии ООН. Укрепляется осознание того, что ни одну из них не решить без заинтересованного участия России, других центров экономического роста и политического влияния современного мира.

При всей неконфронтационности внешней политики России **для нас существуют «красные линии»: когда создается угроза нашей национальной безопасности или существующему международному правопорядку**. Здесь мы будем отстаивать свои интересы до конца. К числу таких вопросов относятся односторонние планы размещения элементов глобальной системы ПРО США в Европе, попытки навязать одностороннее урегулирование в Косово в нарушение Устава ООН, решений СБ ООН и принципов ОБСЕ. В принципиальных вопросах Россия не торгуется. Сделки на основе разменов одних на другие исключены. Россия никому не будет ставить палки в колеса, но не будет и сотрудничать на диктуемых ей условиях. Мы просто будем вынуждены наблюдать за происходящим со стороны.

В предстоящий период **в мировой политике возможны сбои**. Это касается, прежде всего, европейских дел, где наиболее ощутима инерция блоковых подходов, тормозящих преобразование всей европейской архитектуры, несущей на себе отпечаток идеологии «победы в холодной войне», в современную открытую систему коллективной безопасности. Частью этой картины стали попытки переписать историю, предъявить нам некий «исторический счет» и в конечном счете «отлучить» от Европы.

Россия не даст вовлечь себя в какую-либо конфронтацию, для которой нет объективных причин. Тем более, не будем участвовать в возобновившейся гонке вооружений, пагубной для внутреннего развития России. Мы будем проводить взвешенную, объединительную политику, продвигать позитивную повестку дня международных отношений, предлагать конструктивные альтернативы решения проблем.

Залогом надежной безопасности и успешного развития России и ее партнеров является обеспечение единства евроатлантического пространства — от Ванкувера до Владивостока, недопущение его фрагментации, которое вело бы к появлению новых разделительных линий на континенте. В этой части мира необходимо взаимопонимание между Россией, США и Евросоюзом. Такой «тройственный концерт» — лучшая форма рассеивания различных подозрений через укрепление взаимного доверия.

В связи с предстоящими президентскими выборами перед российской дипломатией стоит задача обеспечения преемственности внешнеполитического курса. Весь наш исторический опыт показывает, что **твердое отстаивание своих законных интересов является необходимым условием выстраивания подлинно равноправных отношений с внешним миром**. У нас есть все, чтобы успешно решить эту задачу: политическая воля, ресурсы, иные возможности, включая упрочившееся положение страны в мире и естественные конкурентные преимущества, от которых мы не намерены отказываться.

М.Маргелов, председатель Комитета по международным делам, Совет Федерации Федерального Собрания РФ.

— Мне предложили сделать сообщение о политике на Ближнем Востоке. С упором на геополитические проблемы региона. Следовать этой рекомендации, значит говорить о

Большом Ближнем Востоке, о пространстве от Северной Африки до границ Китая. Принято считать, что этот район выдумали американцы. Пусть так, но это "географическое открытие" практически — у геополитики свои подходы к составлению карт и нанесению границ.

Разумеется, я внимательно прочитал книгу "Россия и мир. Новая эпоха" с подзаголовком — "12 лет, которые могут все изменить". Действительно, сегодня меняются и набор событий, и способы их прочтения. И при последовательном продумывании предложенных сценариев приходишь к выводу — подмеченные авторами книги особенности "новой эпохи" обостряют обстановку на Большом Ближнем Востоке. Конфликты в этом регионе идут ни один год и ни один десяток лет. И в "новой эпохе" там просматривается опасная системность, которую эти конфликты приобрели.

На Большом Ближнем Востоке интересы многих стран пересекаются с интересами лидера — США. Пересечение интересов в точках геополитической напряженности предполагает там особую активность внешней политики. И те, кто активность не проявляют, рискуют, своей безопасностью. В данном случае, назвался лидером, иди на Ближний Восток. Поэтому и появилась американская доктрина "Ближневосточного Хельсинки" — распространения демократии на Большом Ближнем Востоке. И в том была логика, хотя ход событий ее и опроверг.

Беспорный мировой лидер — США — наделал массу ошибок, пытаясь стать мировым гегемоном. Наделать их легко, если проводить политику односторонних, в том числе превентивных действий и заниматься распространением демократии на Большом Ближнем Востоке. При этом демократия распространяется не контрабандой, а прямым вооруженным вмешательством. Бремя "расширения зон ответственности" оказалось непосильным. Трудно перекраивать мир, не причинив себе вреда. Лидер потерпел политическое поражение в Ираке, а его экономика дает опасные для всей мировой экономической системы сбои.

Особое геополитическое значение Большого Ближнего Востока эксперты обосновывают его ролью в обеспечении энергетической безопасности, борьбе с терроризмом, близостью к границам России и южным окраинам СНГ.

Подконтрольный Большой Ближний Восток — это для США решение проблем энергетической безопасности. Верно, что сегодня эти проблемы видимым образом обострились. Именно они породили конфликт между либеральными и авторитарными экономистами. Причем не только в отношениях производства, но и потребления — Китай и страны АТР соперничают с Западом по поводу импорта углеводородов. К тому же, не все добывающие страны, мягко говоря, лояльно относятся к США.

Свою норму миру США навязать не смогли. Появляются новые центры, по крайней мере, экономической силы. Уже спешат новую модель мироустройства называть "многополярной" или "бесполюсной", и даже "азиатской". Это все же преждевременные определения. США свое лидерство пока что сохраняют. Тем не менее, глобализация теряет свои, если угодно, плановые начала. Углеводороды — это, конечно же, политический товар. Их купля-продажа — не хозяйственная сделка, а "обеспечение энергетической безопасности". Отсюда термины — "энергетический империализм", "энергетический НАТО", отсюда — "энергетическая дипломатия". И в ближайшее время здесь вряд ли что изменится.

Перспективность альтернативного нефти сырья, как и ожидалось, оказалась преувеличенной. Масштабы использования того же биотоплива малы, а цены на продовольствие уже выросли. Ведь чтобы заменить годовое производство бензина в США этанолом, нужно пустить на спирт, без малого, два мировых урожая пшеницы.

Контроль над Большим Ближним Востоком повышает эффективность борьбы с международным терроризмом. По замыслу, будь в этом регионе демократия, не было бы и террористов. Другое дело, что распространение демократии там, как правило, вдохновляет

экстремистов, и количество боевиков под зеленым знаменем растет. Этим все заканчивается пока что, вне зависимости от способа распространения — будь это война или свободные выборы. Войска в Ираке политически победить не могут. А выборы в Палестине привели к власти ХАМАС, который теперь пытается управлять анклавом. Вообще, всюду, где результаты голосования празднуют автоматными очередями, выборы проводить опасно. Тот случай, когда демократия калечит натуру.

Наконец, контроль над Большим Ближним Востоком позволяет оказывать влияние на политические процессы в Центральной Азии, Причерноморье, на Южном Кавказе. Иначе говоря, в зоне интересов России. Кроме того, мы вновь здесь сталкиваемся с нефтяной проблемой, поскольку Центральная Азия и Прикаспий — это перспективные источники углеводородов.

Из региона такой геополитической значимости России уходить ни в коем случае нельзя. В точности по следам Советского Союза, оставленным на Ближнем Востоке, нынешняя Россия двигаться не может по объективным и субъективным причинам. Пересечение интересов при всей остроте противоречий — не "холодная война". К тому же и силы у России не те, что у СССР. Поэтому не надо искать на Ближнем Востоке союзников среди исламских экстремистов — они все равно России не доверяют и при случае подведут. Нам вообще сегодня не просто: Запад не считает нас вполне западными, а Юг и Восток — вполне "юго-восточными". Я не говорю, например, что контакты с ХАМАС бесполезны вовсе, но эффект от них пока не велик. Я сам встречался с делегацией ХАМАС в Москве. А летом 2006 года лично обращался к лидерам движения помочь спасти захваченных в Багдаде сотрудников нашего посольства. Но сотрудники были казнены.

Тем не менее, Россия не может в будущем отказаться от посредничества между исламским миром и Западом. Оно должно остаться среди направлений ближневосточной политики. Разумеется, мир ислама противоречив и неоднороден, но все-таки это геополитическая единица. А для христиано-мусульманской России роль посредника не выглядит нарочитой.

Известно, что у России и США на Большом Ближнем Востоке есть расхождения. Нет, например, оснований считать, что у Москвы и Вашингтона наступит согласие в отношении Ирана. Хотя Иран вместе с терроризмом и нераспространением оружия массового уничтожения — предмет, так сказать, "совместного ведения" России и США. Скорее всего, американский нажим на Иран будет продолжаться до смены режима в этой стране. И наши отказы от ужесточения санкций к Ирану США не остановят. Могут быть разные сценарии развязки ирано-американских отношений — от кулуарных переговоров по поводу нефти до бомбежек и военного вторжения. Но Иран на сделку не идет. Понятно, что война для России — худший сценарий: Иран слишком близко расположен. Последствия войны в Иране легко предвидеть: новый всплеск нефтяных цен, новое убежище для террористов, беженцы.

Сегодня перекормленные страхом "реальной политики" большие и малые страны обновляют и пополняют свои военные арсеналы. Идет, по сути, гонка вооружений, а в ядерный клуб стучатся незваные члены. Иран испытал недавно ракету дальнего радиуса действия, продолжает обогащать уран. Эксперты полагают, что в ближайшие десять лет Иран станет ядерной державой. Если это случится, то его ближние и дальние соседи захотят стать такими же. А расползание ядерного оружия в регионе создает условия для ядерного терроризма, о котором, к счастью, пока что только говорят. Запустил дальнюю ракету и ядерный Пакистан. Не хватит фантазии, судить о последствиях прихода к власти в этой стране экстремистов. Страна дестабилизирована.

Палестина расколота на две, по ближневосточному непримиримые территории. Сегодня там назревает гуманитарная катастрофа, там вероятна и гражданская война. А "дорожная карта" отложена в сторону. Израиль проводит военную операцию в секторе Газа в ответ на обстрелы израильской территории. В том, что такие обстрелы ведутся, недавно в

очередной раз убедился сам. Едва успела делегация ПАСЕ отъехать с обзорной площадки, как там взорвалась посланная из Газы ракета. Замечу, я докладчик ПАСЕ по Ближнему Востоку. Мы стараемся организовать в Страсбурге диалог депутатов палестинского и израильского парламентов. Парламентарии говорят откровеннее дипломатов, а, известно, что уровень полемики определяется персонажами. Думаю, мы это организуем, и какая-то польза будет. Нам, например, в ОССНАА впервые на российской территории удалось свести лицом к лицу послы Израиля и Палестины. Люди сведущие это оценили.

В Ираке ситуация не улучшается, остается уязвимой и шаткой. Говорят о возможности распада этого государства на три части: суннитскую, шиитскую и курдскую. Регион и без того заражен сепаратизмом. Например, в Иране сепаратисты набирают силы — это район Тебриза, населенный иранскими азербайджанцами, это провинция Хузестан, где живут ахвази — иранские арабы. Последствия появления независимого государства курдов на границе с Турцией оставлю без комментариев. Скажу только, что вряд ли Анкара смирится с пересмотром "постосманских" границ. И от Пакистана может отделиться государство исламистов Северного и Южного Вазиристана. Страны региона явно страдают "государственным расстройством".

Ситуация на Большом Ближнем Востоке дестабилизирует сопредельные территории. Недаром Армения предлагает систему коллективной безопасности для еще более широкого пространства: Южный Кавказ плюс Ближний Восток.

Даже из рассуждений без тонкой экспертизы ясно, что Россия не меньше других членов мирового сообщества заинтересована в реформах легко воспламеняемого Большого Ближнего Востока. Уместно напомнить, что на саммите "восьмерки" в 2004 году Россия не возражала против идей модернизации региона. Тогда и был принят документ "Партнерство ради прогресса и общего будущего с Расширенным районом Ближнего Востока".

И, вырабатывая перспективную политику на Большом Ближнем Востоке, следует учитывать, что в этом регионе, помимо российско-американских, сталкиваются и американо-европейские интересы. Кроме американского плана демократизации региона, есть немецкий и франко-немецкий. Европейцы используют опыт Барселонского процесса — диалога Евросоюза с арабскими странами Средиземноморья.

Европейский, в особенности франко-немецкий подход, близок к российской позиции. В нем нет американского универсализма, и ислам не считается помехой модернизации. Это, на самом деле, расходится с ближневосточной концепцией США и не очень совместимо с трансатлантическим единством. Сбалансированная политика на Большом Ближнем Востоке предполагает хотя бы минимум солидарности с основными игроками, в данном случае, с США и Евросоюзом. Каким бы двусмысленным их поведение порой ни казалось. Это особенно важно в регионе, где практически все задачи имеют разветвленные решения.

Надо в политике на Большом Ближнем Востоке перейти от тактики к стратегии. Россия должна вернуться в этот регион, в политическом, экономическом и гуманитарном смыслах. Именно этим и нужно заняться. У нас завидный исторический опыт общения со странами Большого Ближнего Востока — возраст юго-восточной российской дипломатии, минимум, несколько столетий. Нужно использовать опыт. И создать, наконец, достойную его концепцию наших целей и задач в регионе. Пока мы расточаем там политическое наследство. Нельзя вести политику наощуп, по принципу "стимул-реакция". В этом случае она теряет силу и становится, в лучшем случае, средством утешения.

России во что бы то ни стало надо закреплять свое влияние на Большом Ближнем Востоке — сегодня присутствие там отвечает национальным интересам страны. Это означает участие во всех создаваемых для решения проблем Большого Ближнего Востока международных институтах. Впереди региону предстоят новые потрясения, если США и НАТО выведут войска соответственно из Ирака и Афганистана.

Присутствие означает экономическую экспансию российских фирм в регион. Я имею в виду, прежде всего, наши энергетические компании. Потому что в "новой эпохе" проблемы мировой экономики и политики во многом будут определять энергетика.

Наконец, эффективность будущей политики России на Большом Ближнем Востоке во многом определяется отношениями с США, Евросоюзом и Китаем. Спора нет — критиковать США есть за что. Но плохо, если дипломатия подкрепляется с одной стороны географическими открытиями в Арктике, а с другой — подстрекательством вести нефтепроводы мимо России. Сегодня эксперты говорят о риске такого уровня недоразумений, после которых никакой диалог между нами вообще не будет возможен. В этом случае, правы они, явится в очередной раз "политика сдерживания", которая обернется нашей изоляцией. И мы окажемся на обочине, отстанем от движения мировой политики. Потому что самим дуть в свои же паруса, значит стоять на месте.

К.Косачев, председатель Комитета по международным делам, Государственная Дума Федерального Собрания РФ.

— Россия и Запад: в чем суть разногласий?

То, что ситуация изменилась — очевидно всем. Общая оценка — «у России самые сильные геополитические позиции за все последние годы». Первое — сравнение относительно. Сильные — по отношению к прежней России. По сравнению с основными партнерами — по-прежнему нет. Второе — не до конца ясно, почему: неудачи США, успехи России, переход к более наступательной практике? Смысл дискуссии — как усилить позиции России именно по отношению к соперникам и партнерам и что для этого эффективнее — конфронтация или сотрудничество.

В момент образования независимой России ответ был единственным и безальтернативным — **сотрудничество!** В результате в 90-е годы Россия была готова максимально идти навстречу Западу. Но Запад совершил стратегическую и от того трагическую ошибку, приняв решение о расширении НАТО. С военной точки зрения это бессмысленно, с политической — "распространение пространства демократии" — оказалось контрпродуктивно. Надо было создавать другую "демократизаторскую" структуру без военной составляющей. Выиграв Восточную Европу, Запад проиграл Россию.

Ответ, который мы вроде бы начинаем давать сами себе в последнее время, тоже кажется чуть ли не безальтернативным — **конфронтация!** Причем средство порой начинает превращаться в цель, когда мы забываем, ради чего затеваем ту или иную внешнеполитическую игру. Утверждается чуть ли не аксиома — разногласия между Россией и Западом непреодолимы.

Сами по себе разногласия — еще не кризис. Разногласия могут быть для государства тем, *к чему сознательно стремятся* по внутренним мотивам или чего, напротив, всеми средствами *стараяются избежать*. И то и другое нормально в стратегическом планировании, даже если на словах все против конфронтации. На деле же то, что делают:

США в отношении Ирана,

ЕС в отношении Белоруссии,

Грузия, Прибалтика, команда Тимошенко на Украине в отношении России

— это сознательное стремление к конфронтации, в которой каждый ищет свои цели и вовсе не считает замирение любой ценой более предпочтительным. В этом ряду конфликт с Россией априори неплохо «продается» на Запад в обертке российской угрозы «маленьким, но независимым народам, выбравшим демократию».

Но возникает вопрос: **в целом** обострение отношений России с Западом — есть ли за этим чье-то осознанное стремление (или, тем более, обоюдное желание сторон, и все всех устраивает)?

У Запада резонов для конфронтации с Россией хватает. Обвиняя Москву в том, что именно она сознательным обострением с Западом обеспечивает решение сугубо внутренних задач, **делается вывод: «остановить Россию!»**. На постсоветское пространство вброшена альтернатива: «или за Россию, или за демократию».

Под это дело неплохо пошла, к примеру, выработка единой энергостратегии ЕС: Россия тут в очередной раз играет сплывающую роль — в ином случае мог бы встать вопрос **о создании общеевропейского энергетического союза, чего, как справедливо отмечает С.Караганов в своей книге, совсем не хочет Вашингтон.**

У нашей стороны резонов для конфронтации тоже немало: очевидно, что партия конфронтации в России весьма сильна, и каждая выходка Запада усиливает ее. **Точно подмечено в книге С.Караганова: «Желание дать отпор питается неизжитым историческим комплексом слабости, уязвимости, многократно усиленным геополитическими поражениями 1990-х гг., страхом отсталых групп элиты перед успешными... соседями». Но это — политика и идеология слабого государства. А у нас ее многие ошибочно считают признаком силы.**

Наша задача должна быть ясной: соседние страны *не должны считать ссору с Россией «меньшим злом»* или несущественным побочным эффектом при решении важных для них проблем. С другой стороны, Россия должна показывать, что *все* силы в регионе (кроме заведомо антироссийских) могут рассчитывать на ее помощь в справедливом урегулировании спорных ситуаций (и мы это уже демонстрируем по Косово, Приднестровью и Н. Карабаху).

Нам также совершенно не нужно, чтобы нас втягивали в конфликты против нашей воли, в попытках нажиться на противоречиях между Россией и Западом посредством их обострения. А есть немало тех, кто кровно заинтересован в усилении противоречий. Это не только «штатные» русофобы в Европарламенте или в ПАСЕ. Но это могут быть и вполне дружественные России силы и политики, которые, рассчитывая на поддержку России, сами не стремятся к разрешению своих территориальных и иных споров со своими прозападными оппонентами. Пример — Сербия.

Но: позиция России на президентских выборах в Сербии, знаковая поездка Тадича в Москву и подписание стратегического соглашения в сфере энергетики показали, что российская позиция далеко не так примитивна, как ее пытаются представить. Москва не повела себя так, как от нее ожидали — не поддержала откровенно промосковского кандидата, сделав выборы очередным полем противостояния с Западом. Такая позиция говорит не в пользу конфронтационного сценария и мотивации российской внешней политики. Нет стремления заострить отношения любой ценой, а есть прагматизм и понимание ситуации: нам только не хватало, чтобы сербов не взяли в ЕС якобы из-за Москвы.

В той же Грузии, к примеру, понятны и юридически обоснованы мотивы, по которым мы поддерживаем непризнанных, но в равной степени мы видим последствия: общегрузинский консенсус на почве того, что Россия якобы хочет оторвать у Грузии территории. На этой волне страна единодушно идет в НАТО и удаляется от России, а мы порой вместо усиления миротворческого и гуманитарного акцента нашего участия угрожаем чуть ли не присоединить Абхазию и Ю.Осетию в ответ на Косово. Получим ли мы Абхазию и Ю.О. — крайне сомнительно, но то, что мы окончательно потеряем Грузию — очевидно. При этом Саакашвили и Ко. выжали максимум из конфликта с Россией, повторяя на всех форумах про «большого агрессивного соседа, пытающегося подмять маленькую

демократическую Грузию» и получая под это карт-бланш на действия в отношении оппозиции.

Это тоже прецедент для других постсоветских режимов, хотим мы или нет: «под конфликт» с Россией можно получить немало политических и материальных преференций. Туда же движется Азербайджан. На Украине раскол произошел (и это надо признать) по самой нежелательной для нас линии: «за косную, коррупционную и антидемократическую пророссийскую элиту, или за современную, признанно демократическую и гарантирующую светлое евробудущее команду прозападных политиков».

Это все признаки того, что конфронтационный сценарий нам объективно не выгоден. Но в той же мере не выгодна и опасна для собственных интересов модель, при которой мы разменивали материальные уступки на благожелательное отношение Запада. Наша избыточная (хотя и во многом вынужденная собственной слабостью) лояльность обернулась сегодня в т.ч. и тем, что, как отмечается в книге С.Караганова, практически любой суверенный шаг России воспринимается как «неоимпериализм», конфронтационное поведение и вызывает упоминавшуюся реакцию: «остановить Россию!». Как будто это ОВД куда-то расширяется, это Россия стремилась подчинить себе чужие энергоресурсы, это Москва добилась многократного превосходства в военной сфере, это наша промышленность теснит Запад со всех мыслимых рынков, это Кремль провоцирует пророссийские революции в Европе или Америке или рекламирует антизападную оппозицию на самом Западе. Вполне согласен с Карагановым, который говорит в книге, что «временами происходящее будет напоминать фарсовый вариант конфронтации второй половины прошлого столетия», история повторяется как фарс — но я бы подчеркнул, что это *не наши* фарсы.

Во главу угла надо ставить *не столько тему разногласий, сколько тему интересов*. Если отстаивание российских интересов делает определенный конфликт неизбежным — нет смысла идти на уступки заранее. Позиции надо заявлять и флаг показывать. Не обозначая свои интересы, мы обречены торговаться по поводу чужих, а это заведомо невыгодно. Пока мы спорили, на каких условиях разрешить доступ к ключевым отраслям нашей экономики (или те же пролеты над Сибирью) — это была одна ситуация. Когда мы ставим вопрос о паритетном доступе нашего капитала на западные рынки, это уже принципиально иное, и начинаются откровенные двойные стандарты со стороны ЕС.

Т.о., *не нужно напрашиваться на конфликт, но не нужно под него и подставляться*. Где можно защитить свои интересы не ввязываясь в конфронтацию с более мощным (в т.ч. информационно, а это значит и интерпретационно) Западом — это нужно делать. Где приходится обозначать границы, защищать союзников и делать заявки — это нужно делать, не давая представить это как «иду на вы», и в то же время не боясь нападок — иначе с вами не будут считаться. Но пока мы часто проигрываем именно в *интерпретациях*, а не в дипломатии или экономике.

Надо владеть искусством ведения спора. Нельзя говорить: «если Украина вступит в НАТО — мы обидимся». Нужно объяснить, почему это неприемлемо и для нас, и с точки зрения стабильности, и какие последствия гарантированно наступят не потому, что Россия обиделась, а потому, что а) она заранее предупредила о них и держит слово, и б) это был сознательный и суверенный выбор самих украинцев, они знали о последствиях, и не должно быть отговорок — мы не думали, что вы всерьез, это наше дело и отношения с НАТО никак не пересекаются с отношениями с Россией, вы тоже сотрудничаете с НАТО и т.п.

Для нашей активной политики в условиях того, что С.Караганов называет «новой эпохой» я бы предложил 6 тезисов или отправных точек — в какой-то мере в дополнение к 5 пунктам, которые предложены в разделе «Политика России» в книге:

— 1) Нужно уделять больше внимания формулированию позитивной повестки дня. Отличная модель была предложена по Ирану (международные центры по обогащению), по

ПРО США (Габала). Это именно неконфликтные идеи, и они сильны именно своим потенциалом сотрудничества и снятия напряженности. Такой подход заставляет оппонентов оправдывать свои проекты, что зачастую невозможно никак иначе, кроме открытого обозначения их враждебности по отношению к России. Нам нужно поискать свою «Габалу» по большинству тем, где мы увязли и ситуация чревата невыгодным для России конфликтом. Экономическая победа (построение трубопровода, покупка активов и т.п.) может обернуться серьезным поражением в общественном сознании (агрессивная тоталитарная Россия скупает свободную экономику, берет под контроль энергоснабжение Запада и т.п.).

Дискуссии по прошлому — не уходить, а выстраивать свою позицию.

2) У нас должно быть как можно меньше ситуаций, где в международной политике мы остаемся в одиночестве. Иногда это неизбежно, и даже необходимо, но не должно стать нормой. (ДОВСЕ — дискуссия шла бы иначе, если бы мы смогли сорганизовать союзников).

Косово: также можно было собрать все страны, у которых есть свое «Косово» (Китай, Азербайджан, Грузия, Кипр, Канада и иные).

Мы часто по-суворовски исходим из того, что «брать надо не числом, а умением», а наши оппоненты говорят: «порядок бьет класс», и продавливают оргусилиями свою точку зрения, обосновывая ее мнением большинства.

Есть, пожалуй, лишь одна тема, где риски оказаться в меньшинстве и даже в одиночестве перевешиваются репутационными выгодами: при защите международного права и ООН, основ справедливого миропорядка.

3) Российская политика в международных делах должна быть понятной и предсказуемой, что подразумевает механизм эффективного обеспечения внешнеполитических решений в *упреждающем* порядке. Речь идет и о своевременном начатом информационно-пропагандистском сопровождении, и о научно-экспертной проработке, о просчете потенциальных последствий и резонанса от наших шагов.

Мы можем вспомнить несколько такого рода горячих проблем: переход на рыночные цены на энергоносители (прежде всего — на газ) для некоторых «знаковых» потребителей, тематика все того же ДОВСЕ, ограничение действий иностранных наблюдателей на наших выборах.

4) Явно недооценена проблема, которую я бы условно назвал: «говорящие головы за рубежом». В настоящее время в мире сформировался целый ряд серьезных дискуссионных площадок по проблемам внешней политики и международной безопасности.

Почти на всех заметных мероприятиях такого рода прежде всего в Европе можно встретить, к примеру, представительные грузинские делегации. И это работает.

У нас эта миссия — участие в представительных (и не очень) международных форумах — в какой-то мере поставлена на самотек. В итоге организаторы интересных мероприятий, где, по большому счету, формируется общественно-политический заказ на повестку дня в сфере международной политики, выбирают представителей от России по своему усмотрению (понятно кого).

5) Необходимо системно задействовать нестандартные, нешаблонные механизмы и подходы к решению ключевых внешнеполитических проблем. Один из таких примеров — *институт спецпредставителей* Президента России (см опыт работы помощника госсекретаря Мэтью Брайзы). Настало время подумать и над тем, чтобы задействовать авторитетных политиков и экспертов с особым президентским мандатом и во внештатных ситуациях, условно говоря: *спецпредставителей ad hoc*.

Вырабатывая такие планы по каждому случаю, мы как бы «наваливаемся» на проблему, создавая ситуацию «мозгового штурма», персонифицированного в

координирующей миссии спецпредставителя, и в конечном итоге предлагаем свои развязки для значимых для России проблем.

б) И последнее, но от того не менее важное: там, где мы вынуждены реагировать на действия наших партнеров, наши ответные действия должны оставаться исключительно в правовом поле. Три ситуации последнего времени, когда мы, будучи правыми по сути, в конечном итоге проиграли или рискуем проиграть в результате: Грузия — высылки грузин; Эстония — акции против посольства в Москве; Британский Совет — «собеседования» с сотрудниками.

С.Дубинин, член Правления, финансовый директор ОАО «РАО ЕЭС России»

— Я предлагаю вашему вниманию разговор о глобализации экономики и национальных интересах, прежде всего, ориентируясь конечно на оценку всего этого применительно к нашей стране.

Начать я хотел бы с того, что сейчас очень остро звучит, по крайней мере, на журнальных страницах и в эфирных волнах, т. е. с оценки финансового кризиса, о котором столько говорится. Я честно признаюсь, что часто просто не понимаю, что имеют в виду авторы, говоря о глобальном финансовом кризисе, поэтому попытался это как-то определить. И у меня получилось два разных сценария. Один из которых — это некий ужасик, который является в какой-то мере повторением Великой Депрессии. Я сейчас не стал бы вспоминать, что тогда в 1929-32 годах происходило, но действительно были нарушения самой возможности международных расчетов в какой-то ситуации. Видимо авторы этого сценария считают, что возможно резкое падение курса прежде всего доллара США, обрушение его, возникновение настолько непредсказуемой динамики курсов, что будут останавливаться международные расчеты и люди просто не будут рисковать своими деньгами. Возникнет недоверие к банкам, и соответственно угроза банкротства этих банков. И в конце концов — технический распад самой технологической международной системы расчетов.

Я в этот сценарий не верю и считаю его абсолютно фантастическим, кроме, наверное, случая действительно международных военных действий, причем с вовлечением крупнейших стран, основных центров экономики.

Более очевидный сценарий — это просто то, что сегодня реально происходит. Я был бы готов поздравить всех собравшихся с тем, что мы собственно уже находимся в глобальном финансовом кризисе, потому что это очередной финансовый кризис, но в современных условиях. Я потом вернусь к его очень специфическим чертам, они важны для понимания, почему этот кризис на самом деле может быть достаточно продолжительным и тяжелым. Это, прежде всего, то падение курса акций на бирже, которое мы наблюдаем, причем на протяжении более длительного срока, но менее глубокое, чем в 2001 году, например, на бирже Соединенных Штатов. Это падение доверия к биржевым инструментам, таким как фьючерсы, которые появлялись на Чикагской бирже лет 20 назад, а в том масштабе, как сегодня, мы этого явления просто не видели.

Очевидно, что однополярный валютный мир заменяется на многополярный валютный мир. И в роли международной расчетной единицы доллар определенным образом потеснен, но это не значит, что он ушел, потому что — и в книге об этом очень хорошо сказано — у него есть масса преимуществ, просто в связи с масштабами его использования. Через него, как через кросс-курс, легче выйти на любую другую валюту, то, что, как правило, невозможно сделать напрямую. Растут валютные риски, естественно. Происходят неприятности в крупных банковских компаниях, финансовых компаниях, и это дело еще не закончилось. И соответственно многие фиксируют убытки, которые и являются признаком этого кризиса и даже угрозы банкротства.

Возникает ситуация, которую я взял на себя смелость назвать международной стагфляцией. То есть в условиях рецессии, экономического спада темпов экономического роста накачиваются за счет объемов международной ликвидности денежной массы спекулятивные пузыри, которые, даже лопнув, не исчезают, ликвидность переходит в другое качество. Мне кажется, что это выльется в то, что мы столкнемся в ближайший период с ситуацией чем-то напоминающей 1970-е годы, но качественно иной, когда отрегулировать рост цен национальными инструментами будет уже очень трудно. Федеральная Резервная Система США и другие центральные банки начнут терять возможность регулирования инфляции привычным для них инструментарием.

Первые выводы для России. Мы, кажется, убедились, что стали частью глобальной экономики. Первая реакция была, что мы обладаем неким иммунитетом к тому, что происходит в мире, но это было очень наивное предположение. Кроме этого мы должны дать себе отчет, что краткосрочные последствия этого кризиса мы уже на себе чувствуем. В РАО ЕЭС падение курса акций произошло на 20 с лишним процентов. Чувствуем это очень тяжело, надо сказать. Тем более что мы только что выкупили акции у наших акционеров и пытались их продать, и пытаемся до сих пор при этой ситуации.

И долгосрочные последствия мы тоже будем испытывать. Надо трезво понимать, что никуда мы от этого не денемся, мы — открытая экономика, у нас совокупное внешнеэкономическое сальдо расчетов, если взять все вместе, составляет 50 процентов ВВП страны. Значит, мы должны приспособиться к этому. Это тот выбор, который нам предстоит сделать. Нам нужно не сидеть и ждать, когда все развалится у Соединенных Штатов, а попытаться приспособиться, осмыслить происходящее и выработать свою какую-то конкретную политику по отношению к этому.

Следующее. С моей точки зрения этот кризис происходит сегодня не просто в глобальной экономике на определенном этапе ее развития, а на спаде волны Кондратьева, когда темпы экономического роста меняются перепадом от максимума к будущему минимуму. Это, видимо, не просто спад в объемах ВВП, но темпы экономика теряет. Это происходило где-то в конце 70-х годов, и там была национальная стагфляция. Как известно, она доминировала как проблема в американской экономике и в европейской экономике. И после этого был найден выход на освоение принципиально новых информационных технологий, всего того, что дало старт новому экономическому подъему, перестройке постиндустриальной экономики, вывело волну Кондратьева вверх и создало тот бум и тот запас прочности экономики, который мы наблюдали последние два десятилетия. Сейчас, с моей точки зрения, как раз расширение, распространение всего этого по всему миру, казалось бы, это пик достижений. Оно свидетельствует о том, что исчерпала себя эта технологическая основа для экономического роста.

Мы переходим к стагнационной части. Это неизбежно. Когда-то наступит новый подъем, новые технологии будут осваиваться. Наверное, это будут биотехнологии или что-то в этом духе. Но сейчас мы попали в финансовый кризис на спаде волны Кондратьева. Это сделает его продолжительным и достаточно тяжелым. Я думаю, что это можно было бы попытаться смоделировать, но я сейчас не в науке и вряд ли смогу в этом реально принять участие. Правда, РАО ЕЭС прекращает свое существование с 1 июля 2008 года.

(Седьмой слайд, пожалуйста.) Я хотел бы подчеркнуть, что глобализация — это не есть что-то ужасное, от чего надо бежать бегом, но это и не есть некая такая благостная возможность всеобщего счастья. Это очень конфликтная, очень тяжелая среда. И экономические болезни лидера сегодняшней глобальной экономики — Соединенных Штатов — это и двойной дефицит платежного баланса, и, соответственно, торгового баланса, одновременно дефицит бюджета, это замедление экономического роста и более частые рецессии, чем во многих других странах, и т. д. Все эти болезни сказываются на всей остальной экономике.

Государственное регулирование сегодня абсолютно неадекватно масштабам и сложности процессов глобализации. Оно остается национальным. И на примере этих инфляционных проблем мы скоро это очень хорошо увидим, что национальными методами отрегулировать глобальные процессы невозможно. Договориться о каких-то международных методах регулирования не удалось, по крайней мере, не получилось на практике.

Теперь я перейду к национальным интересам. 10-й слайд вновь напоминает нам о том, что Россия — это часть глобальной экономики. Здесь хотелось бы обратить внимание на тот тезис, что путь, который мы прошли в XX веке, — мучительный, очень болезненный путь от аграрной страны с развивающейся индустриальной экономикой к индустриальной стране, а потом к постиндустриальной экономике, где большая часть ВВП производится в секторе услуг, — этот путь прошли ведь не мы одни. Этот путь прошел в общем-то весь мир. Кто-то прошел его до нас, и мы уже с XIX века всё пытаемся догнать. Кто-то проходит сейчас. Китай проходит примерно эти же этапы. Мы видим его в этом движении. Индия на него вступила. Какие-то страны отстали очень далеко. И трагедия Африки очевидно еще надолго, потому что они даже двинуться не в состоянии. Это очень противоречивая ситуация. Глобализация развивается опять же неравномерно, а именно через опережающее развитие определенных центров экономической силы. И это еще одна часть конфликтности всей ситуации.

Следующий слайд. Оценка последствий. Эта ситуация создает для России и плюсы, и минусы, и преимущества, и риски. Безусловно, это преимущество рыночной экономики, поступление капитала, технологий и динамичное развитие, кстати, неравномерное по территории страны, что тоже создает внутренние противоречия и напряженности в развитии. Но, тем не менее, эти преимущества налицо — создана нормальная рыночная экономика с довольно зрелой инфраструктурой. Я имею в виду рыночную инфраструктуру, а отнюдь не наши, к сожалению, стареющие и разваливающиеся дороги или не очень новые электростанции.

Есть и риски этих глобальных кризисов, которые мы тоже на себе испытали и от которых мы теперь уже никуда не уйдем. Мы будем в этом жить.

Какой национальный интерес у России в этой глобальной экономике? Я считаю, что национальный интерес у нас — прочно занять позицию нового центра экономического роста в глобальном мире. Реализовать этот национальный интерес — значит создать в России инвестиционный климат привлекательный для высоких технологий и соответствующих компаний, которые их сюда принесут, обеспечить высокую конкурентоспособность на мировых рынках. Надо сказать, что это вторая попытка добиться этого результата, потому что ровно этого добивался и Советский Союз с его плановой экономикой. И эта первая попытка не состоялась. Теперь на базе рыночной экономики нам нужно решить эту задачу, иначе ситуация может быть уже действительно плачевной.

Следующий слайд. Хочу напомнить тот факт, что целый ряд стран добивались определенного успеха, а потом оказывались отброшенными. Об этом почему-то у нас не любят говорить. Я не помню, который из наших знаменитых кораблей то ли крейсер «Варяг», то ли «Аврора» построен был на верфях Аргентины и продан России. Аргентина тогда была бурно развивающаяся страна в другом полушарии, почти как Соединенные Штаты. Где теперь Аргентина и что с ней происходит? Риски развития очень велики. Не бывает так, что один раз догнав, можно успокоиться и расслабиться. Мне кажется, что сегодняшние наши успехи в экономике повлияли на нашу элиту таким расслабляющим образом. Кажется, что Бога-то ухватили за бороду, и уже дальше не о чем беспокоиться, кроме как о позициях, извините, на Ближнем Востоке. Мне кажется, что в нашей стране совершенно другие задачи должны существовать.

Следующий слайд. Стратегический выбор, который стоит перед нами в 2008 году: либо резко повысить управляемость экономики и закрыть ее, попытаться снова вернуться к

закрытой экономике, и все у нас самих будет хорошо, потому что мы отгородились от мировых неприятностей. Либо повысить эффективность и бизнеса, и государственного управления. В первом случае нужно просто отгородиться от международных рынков и эту задачу решить. Кстати, это просто делается. Во втором — надо победить в конкурентной борьбе, что конечно очень непросто. Поэтому склонность решать первым путем, к сожалению, очень сильна. Но выбор-то делать надо, и времени у нас не так много, потому что кризис-то продолжается.

Надо при этом опять же учитывать, что глобализация не только конфликтна как экономическая среда, она происходит и в очень конфликтных политических формах. Это и постоянное столкновение национальных эгоизмов на глобальной арене. С одной стороны, без участия в этих международных экономических отношениях нет национального развития. А с другой стороны, хочется старым центрам развития каким-то образом контролировать этот процесс. И нужно сказать, что новые центры, которые часто упоминаются, страны БРИК, например, не стали политическими центрами некоего объединения. Я напому вам, что предложение г-на Примакова заключить некое соглашение с Китаем и Индией, и на этой основе куда-то двигаться, встретило известный ответ, что об этом они даже никогда и не думали, и с Россией на политической основе так объединяться не собираются. Они сейчас ищут себе как раз союзников в старых центрах, в которых сложилось некое политическое объединение. Можно сказать, что политический союз оказывается просто билетом для прохода в определенные экономически выгодные зоны и организации. Мы должны отдавать себе в этом отчет, что не существует, к сожалению, той идеальной международной системы отношений, где все бы выступали на равных и четко выполняли принципы ООН. Плохо это? Плохо, но это так.

И чтобы как-то двигаться дальше, нам нужно расстаться еще с несколькими национальными мифами, которые у нас почему-то очень живучи.

Миф № 1, что все мировые игроки, принимая решения, хотят либо навредить, либо помочь России. Насколько я понимаю, чаще всего они меньше всего думают о России. Когда речь идет о поставках газа, нефти — да, думают. Там есть о чем задуматься. А в целом позиция России их интересует постольку поскольку. Поэтому нельзя с этой точки зрения пытаться оценивать всё, что делается вокруг на белом свете.

Есть другое утверждение, что Россия — богатая страна, самодостаточная, и вообще думать об этих международных делах нам не надо. И это тоже, мягко говоря, преувеличение. По ВВП на душу населения мы дважды догоняли Португалию, один раз в начале XX века, а второй раз где-то году примерно к 1963 году. После этого мы опять отстали уже в советское время, а не в наше время. Сейчас мы где-то чуть ниже Малайзии, но повыше Бразилии.

Еще один миф о том, что в России такая прорва денег, что вопрос только в том, куда же их девать. Если мы посмотрим просто даже на то, что официально заявляет наше правительство о необходимости потратить на инфраструктуру на ближайшие 5 лет, на все направления инфраструктуры, где каждое в отдельности требует на дороги 100-120 млрд. долларов, на электроэнергетику 100-130 млрд. долларов, на коммунальные службы и теплоснабжение в городах, чтобы это не разваливалось, не взрывался газ и не разрушались системы 200 с лишним млрд. долларов. Если весь Стабилизационный Фонд сегодня просто поделить, то получится по 150 долларов на человека живущего в стране. Не располагаем мы каким-то колоссальным ресурсом. Нам нужны огромные капиталовложения. Их нужно привлекать в страну. Это реальная и сложная задача, а не пытаться поделить якобы избыточный ресурс, который у нас существует.

Я уже говорил о том, что у нас существует некая мифология о том, что надо заключить с Венесуэлой, Кореей, Китаем, еще с кем-то союзы, и тогда мы укрепимся. Не мечтают эти страны, кроме, может быть, одной-двух, о таком союзе. Или как справедливо

сказано, очень даже любят использовать нас просто для, грубо говоря, разводки со своими противниками.

И последнее. Нам необходимо просто признать эти реальности, понять, что мир конфликтен, и очень тяжело в нем будет дальше действовать. И надо искать твердых союзников. С этой точки зрения, мне кажется, это моя личная позиция, что все-таки наибольшая угроза исходит для нас с южных рубежей страны. Вообще на этих рубежах мы провели недавно две войны. И почему-то, тем не менее, считаем, что главная военная угроза для нас исходит откуда-то с другого направления. Не знаю, почему. И соответственно для того, чтобы чувствовать себя уверенно и с экономической, и с политической, и с военной точки зрения нам нужно найти общий язык с евроатлантическими потенциальными союзниками, а в данный момент партнерами, как мы выражаемся. Потому что другого реального партнерства, которое бы нам обеспечило позиции для достижения наших национальных интересов, для достижения высокой конкурентоспособности и решения наших национальных задач, я просто не вижу.